

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ван Люян

**Личность и творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал:
тактика самопрезентации и стратегии творческого поведения**

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор М.В. Михайлова

Москва, 2025

ОБЩАЯ ХАРАКТИСТИКА РАБОТЫ

В конце XIX – начале XX века, в период социальных и духовных потрясений философские, религиозные, художественные и эстетические проблемы находят полноценное отражение в литературе, и литература этого периода демонстрирует большую свободу по сравнению с традиционной классической. Эти процессы весьма своеобразно воплотились в духовной жизни России. Особое влияние имела философия Ф. Ницше. Лозунг философа «Бог мертв» стал для многих русских интеллектуалов откровением, перевернувшим их сознание.

В области литературы и искусства в авангарде художественных идей оказались символисты. Они проповедовали высвобождение творческого потенциала личности, отбрасывали табу, отказывались следовать стереотипам и догмам. Н.С. Гумилев отдал дань своему «прародителю», заявив, что символизм является «не результатом общественных переворотов, как романтизм, а следствием зрелости человеческого духа, <...>»¹.

Новаторские интенции символизма имеют самое непосредственное отношение к творчеству русских писательниц, которые ранее в большинстве своем следовали принципам утвержденного в литературе мужского канона, хотя идеи феминизма настойчиво прокладывали себе дорогу, уже начиная с последних трети XIX века. В целом творчество писательниц в этот период, несомненно, получило широкий размах, начала осознаваться важность феминности как фактора творчества, хотя есть многочисленные свидетельства, что женщинам все же отводилась в первую очередь роль музы. Женщины долгое время играли роль «произведения искусства», а не творческого субъекта. Н.А. Бердяев сожалел, что женщина теперь «не хочет быть прекрасной, вызывать к себе восхищение, быть предметом любви», вследствие чего «теряет обаяние, грубеет, заряжается вульгарностью». Еще хуже то, что она «сама хочет создавать произведения искусства». По его мнению, это обуславливает

¹ Гумилев Н.С. Жизнь стиха // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 54.

наступление «глубокого кризиса»². И символисты преимущественно придерживались традиционных взглядов, рассматривая роль женщины в культуре как иницирующую силу или источник вдохновения.

Поэтому тенденция прошлого времени сохранялась: произведения писательниц по-прежнему маргинализировались и, следовательно, рисковали быть незамеченными, о чем справедливо пишут современные ученые³. В науке существует множество концепций, касающихся поведения, чувств и образа мыслей женщин, участвующих в творческом процессе. Применительно к литературному процессу XIX века, который был полностью контролируем патриархатными институтами, можно твердо сказать, что если женщина не хотела потерять возможность писать и публиковаться, она должна была более или менее приспособливаться к мужскому канону⁴. В результате «художественный опыт писательниц усваивается мужской литературой и перестает осознаваться как инновативный»⁵.

На рубеже XIX и XX столетий дело все же сдвигается с мертвой точки. И женщины-творцы пытаются осуществить перестановку сил на литературной арене, жаждут преодолеть драму вытеснения из литературных контекстов и делают все возможное, чтобы встроиться в литературную парадигму. Женская литература начинает бороться за расширение «жизненного пространства». Как

² Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 254; Н.А. Бердяева настаивал, что «мужчина всегда творит во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляет его на подвиг и соединяет с душой мира». При этом он акцентировал всемирное значение женственности: «без мистического влечения к женственности, без влюбленности в Вечную Женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира, не было бы мировой культуры» (Там же).

³ См.: Савкина И. Кто и как пишет историю русской женской литературы? // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 359–372; Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997. 157 с.; Мильнер-Иринин Я.А. Женственность. О роли женского начала в нравственной жизни человечества. СПб., 2010. 320 с.; Гулюк Л.А. Мифологема женственности в культуре Серебряного века. Дисс. ... канд. философ. наук. Белгород, 2007. 153 с.; Климова С.М. Мифологема женственности в культуре Серебряного века и ее социокультурные воплощения // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 151–156.

⁴ Подробнее см.: Heldt B. Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, Indianapolis. 1987. С. 4–6.

⁵ Строганова Е.Н. Классики и современницы: Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М., 2019. С. 9.

следствие усиливается интерес к женским текстам, начинается выделение особой женской линии в литературе, о чем пишут критики А.Л. Волынский и Е.А. Колтоновская. Возникают работы, целиком посвященные женской поэзии (И.Ф. Анненский, М.А. Волошин).

В современной филологической науке творчество русских писательниц разных исторических периодов подвергается всестороннему анализу особенно интенсивно в последние тридцать лет. Ученые отказываются от традиционных предрассудков в отношении авторов-женщин и начинают интерпретировать их творчество с новых позиций. Здесь особое значение приобрели гендерные исследования, что позволило установить, что среди литераторов Серебряного века заметную роль сыграла Л.Д. Зиновьева-Аннибал (1866–1907). К сожалению, это имя долгое время оставалась неизвестным читателям XX века, и только в последние 20 лет оно вернулось в культурный дискурс эпохи⁶.

Несмотря на то, что Зиновьева-Аннибал занялась литературным творчеством под влиянием своего мужа, поэта-символиста Вяч. Иванова (хотя отдельные попытки были и раньше⁷), в своих произведениях она старалась обнаружить скрытые в женской индивидуальности возможности, осуществить самоидентификацию, отмежеваться от навязываемой ей роли музы или менады, к чему склонялись члены ивановского круга. Она обладала сильным чувством собственного достоинства, всегда стремилась к независимости, разрабатывала новые темы, искала новые способы выражения и была одной из немногих «женщин с пером» (расхожее выражение того времени), которые не желали быть маргиналами. И хотя она часто прибегала к компромиссам, обращаясь к темам, которыми восхищались символисты, но делала это хитро, используя жанр пародии, высмеивая их установки. Она смело вторглась в тематику, практически не представленную в русской литературе, подорвав тем самым

⁶ См.: *Никольская Т.Л.* Творческий путь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 813. Блоковский сборник. 8. Ал. Блок и революция. Тарту, 1988. С. 123–137; *Кушлина О.Б.* Л.Д. Зиновьева-Аннибал // Русские писатели 1800–1917. Т. 3: К–М / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1994. С. 342–344.

⁷ Это тексты «Два берега» (1887), «Неизбежное зло» (1888).

общепринятые представления, решила раскрыть тайны взросления ребенка, которые ранее не были представлены в текстах писателей. Именно это заслужило высокую оценку А.А. Блока, сказавшего, что она писала «по-детски дерзко, по-женски таинственно и просто»⁸. Но при том в реальной, бытовой жизни она поддерживала своего мужа, поэта-символист Вяч. Иванова во всех его начинаниях, выказывала ему глубочайшую любовь. Однако в свои тексты Л.Д. Зиновьева-Аннибал вкладывала интенцию сопротивления и бросала вызов идеям супруга.

Интенсивно творить Л.Д. Зиновьева-Аннибал начала после встречи с Ивановым в Риме. Их сблизили, помимо страстного чувства, схожие взгляды на мир, творчество и религию. Пьеса «Кольца» (1904), написанная в начале их брака, не была понята в полной мере из-за своего необычного содержания и заключенных в ней идей⁹. Примечателен комментарий С.М. Городецкого: «Кольца» представляет собой не пьесу, а «рассуждение в диалогической форме»¹⁰. Повесть «Тридцать три уroda» (1906), созданная на пике творческой активности автора, стала пророчеством о трагическом исходе эротического эксперимента супругов¹¹, который, внешне полностью принятый Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, внес смятение в ее душу: она расценила его как «жертву на алтаре», обещающую либо «крещение», либо «погибель»¹². Воспринятое как посвященное табуированной теме любовных отношений двух женщин, произведение было поначалу официально запрещено, а после публикации вызвало негативную реакцию и собратьев по символистскому цеху (З.Н. Гиппиус и Андрей Белый), и критиков общедемократического лагеря

⁸ Блок А.А. Литературные итоги 1907 года // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.-Л., 1962. С. 226.

⁹ См.: Миртов О. Зиновьева-Аннибал. Кольца // Образование. 1905. № 8. Отд. II. С. 97; Тарский К. Удивительная драма // Московские ведомости. 1904. № 322. С. 5.

¹⁰ Городецкий С. Огонь за решеткой // Золотое руно. 1908. № 3–4. С. 95–96.

¹¹ Подробнее см.: Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. 366 с.; Волошина-Сабашникова М.В. Зеленая змея. Мемуары художницы. СПб., 1993. 367 с.

¹² Цит. по: Алешина С.В. Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Творческая эволюция: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Липецк, 1999. С. 115.

(Г.С. Новополин и А.В. Амфитеатров). Зато в создававшейся одновременно пьесе для «домашнего обихода» «Певучий осел» (1906) сюжет шекспировской комедии скрыл трагический подтекст реальных событий, воссоздав их в пародийном, сатирическом ключе.

В 1907 г. был целиком опубликован сборник «Трагический зверинец», ставший, по сути, творческим завещанием писательницы. Были негативные отзывы, но никто не отрицал ценности, уникальности и значимости составивших его рассказов. Он дал основание считать, что проза Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «сочетает в себе описательную конкретику реализма XIX века с порывистым стремлением к ритмическому кадансу и регистру сильных эмоций»¹³, доказывает способность автора «рассказать нам о вещах, которые мы знаем, но о которых никогда не говорили. Страстные, эротические привязанности девочки; бурные эмоции предательства, тоски, отвращения; способность к сопереживанию и идентичности со всеми существами: именно из этих страстей соткана текстура девичества, и чтобы понять детство по-настоящему, мы должны вновь подчиниться им, отдавшись бурным и неожиданным колебаниям “стихийной” природы»¹⁴. В 1918 г. Вяч. Иванов составил из публиковавшихся в периодике рассказов Л.Д. Зиновьевой-Аннибал сборник, озаглавив его «Нет!», что подтверждало их мистико-анархистскую природу. В этих рассказах также ощутим напряженный стилевой поиск, свидетельствующий, что творческая индивидуальность автора находилась еще в стадии становления. Творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал было прервано неожиданной смертью, поэтому творческий потенциал писательницы не

¹³ «Lydia Zinovieva-Annibal's prose in *The Tragic Menagerie* combines the descriptive specificity of nineteenth-century realism with an impassioned impulse toward rhythmic cadence and the register of intense emotion» (перевод мой. – В.Л.). Costlow J. Introduction // Zinovieva-Annibal Lydia. *The Tragic Menagerie* / Translated from the Russian by Jane Costlow. Evanston, 1999. P. 9.

¹⁴ «One of the things most compelling and wonderful about *The Tragic Menagerie* is its ability to tell us things we know but of which we have never spoken. The passionate, erotic attachments of girl hood; the soaring emotions of betrayal, longing, disgust; the capacity for empathy and identity with all beings: it is these passions of which the texture of girlhood is woven, and to understand childhood truly we must submit to them again, surrendering ourselves to the turbulent and unpredictable swing of “elemental” nature» (перевод мой. – В.Л.) // Там же. P. 7.

реализовала в полной мере. Но то, что ею сделано, свидетельствует о несомненном прорыве в сфере женской литературы и богатых ее возможностях.

Актуальность темы определяется несколькими факторами.

Во-первых, необходимо выявить этапы творчества Зиновьевой-Аннибал как писательницы с учетом выбранной модели творческого поведения.

Во-вторых, необходимо установить степень влияния идей Вяч. Иванова на ее индивидуальность и варианты их «отторжения».

В-третьих, определить пропорцию «подчинения» (тактика) и проявления самостоятельности (стратегия) в ее произведениях;

В-четвертых, обнаружить особенности преломления дионисийской символики в ее произведениях.

В-пятых, выявить своеобразие природных образов в контексте женской литературы соответствующего периода и с точки зрения феминистской литературной теории.

Материалом диссертационного исследования послужили драматургические и прозаические произведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: драма «Кольца» (1904), повесть «Тридцать три уroda» (1907), цикл рассказов «Трагический зверинец» (1907), пьеса-пародия «Певучий осел» (1906), рассказы сборника «Нет!» (1918), а также ее переписка с Вяч. Ивановым и отзывы современников.

Объектом исследования является творческое наследие Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в полном объеме.

Предметом исследования стала самоидентификация писательницы как творческой личности и способы ее самопрезентации, а также поиски реализации собственного творческого потенциала в символистской среде.

Научная новизна определяется тем, что настоящая работа представляет собой первую попытку анализа и изучения стратегии творческого поведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал с точки зрения обретения ею творческой самостоятельности. В диссертации проводится мысль о сложности ее

существования в символистском окружении, о продуктивности жизненного и творческого союза с Вяч. Ивановым и одновременном желании воспротивиться традиционным установкам патриархатного дискурса, стремлении закрепить в словесном искусстве «женский опыт».

Цель работы – раскрыть творческую стратегию самоопределения писательницы и особенности ее художественного метода, специфику креативности по сравнению с другими представительницами литературного сообщества; показать своеобразие преломления в женском изводе идей дионисизма, воплотившихся в образах природного мира.

Для достижения цели поставлены следующие *задачи*:

1. Выявить влияние Вяч. Иванова на творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, а также исследовать процесс вхождения писательницы в символистский дискурс и итоги ее пребывания в кругу мистико-религиозных идей.

2. Обнаружить признаки разрыва писательницы с символистским представлением о роли женщин в культуре, выявить ее самоидентификацию как художника с особой антропологической концепцией.

3. Охарактеризовать творческую стратегию Л.Д. Зиновьевой-Аннибал с учетом своеобразия ее жизненного опыта и в сравнении с попытками самоопределения женщин-авторов того же периода.

4. Показать реализацию идей дионисийства, воплощенных в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в природных образах, сделав акцент на «женском ракурсе» трактовки дионисийской символики.

Степень научной разработанности темы. Литературное наследие Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в советское время оставалось невостребованным из-за идеологического подхода к литературе Серебряного века. Ее имя только упоминалось при изучении наследия Вяч. Иванова. Только в 1997 г. впервые были опубликованы ее отдельные произведения¹⁵, а в 1999 г. в печати

¹⁵ *Зиновьева-Аннибал Л.Д.* «Трагический зверинец». Томск, 1997. 224 с. В книгу вошли

появились почти все ее литературные опусы, сохранившиеся на родине¹⁶. Переписка между Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и Вяч. Ивановым была издана в 2009 г.¹⁷. Она дает представление о формировании поэта, рисует широкую картину жизни супругов в Европе. Но что еще более важно – расширяет круг материалов для дальнейшего изучения творческой жизни писательницы и ее взаимоотношений с окружением.

Первое исследование литературного наследия Л.Д. Зиновьевой-Аннибал появилось в 1988 г., когда Т.Л. Никольская описала творческий путь писательницы, связав его с влиянием Вяч. Иванова, но и указав на самостоятельность ее приоритетов. Она подчеркнула, что идеи мужа «не могли не сказаться на видении мира Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Но и “дионисийство”, и “соборность” были ею глубоко внутренне прочувствованы и выстраданы. Л.Д. Зиновьева-Аннибал никогда не прекращала духовных поисков, старалась найти свой собственный путь в жизни и в литературе»¹⁸. М.В. Михайлова в работах о сочинениях писательницы деконструирует ее творчество и произведения женщин-авторов с феминистской точки зрения¹⁹. Она подчеркивает, что Л.Д. Зиновьева-Аннибал, формально не примыкая к феминистскому движению, мыслила феминизм как «“поступательное

«Тридцать три уroda», цикл «Трагический зверинец», рассказы сборника «Нет!».

¹⁶ *Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Тридцать три урода: роман, рассказы, эссе, пьесы / Сост., предисл., коммент. М.В. Михайловой. М., 1999. 494 с.

¹⁷ *Иванов Вячеслав.* Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М., 2009. 752 с.; *Иванов Вячеслав.* Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка: 1894–1903. Т. 2. М., 2009. 568 с.

¹⁸ *Никольская Т.Л.* Творческий путь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 813. Блоковский сборник. 8. Ал. Блок и революция. Тарту, 1988. С. 123–137.

¹⁹ См.: *Михайлова М.В.* Психологизм в русской женской прозе Серебряного века // Женщины Серебряного века: жизнь и творчество: Тезисы докладов III научной конференции «Российские женщины и европейская культура». СПб., 1996. С. 60–64; *Михайлова М.В.* Лидия Зиновьева-Аннибал и Вячеслав Иванов: сотворчество жизни // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 319–332; *Михайлова М.В.* Страсти по Лидии // Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода: Роман, рассказы, эссе, пьесы / Сост., предисл., коммент. М.В. Михайловой. М., 1999. С. 5–24; *Михайлова М.В.* Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза» или «яркий образ возможного счастья»? // Философские эманации любви. М., 2019. С. 62–98.

движение женщин”, способных раскрыть эстетические основы мироздания»²⁰. Следовательно, она действительно может быть отнесена к писательницам, которые «сумели откликнуться на все господствующие в жизни и литературе настроения»²¹. В диссертации С.В. Алешиной представлен обзор архивных материалов, связанных с творческим наследием Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, описаны психологические особенности ее личности и перипетии судьбы²². Дионисийская символика, привнесенная в ее творчество Вяч. Ивановым, стала предметом научного исследования Е.Н. Баркер²³. Являясь одной из ключевых философских и эстетических парадигм Серебряного века, символ Диониса служит отличительным элементом культуры этого времени, тесно связанным с личностью и творчеством художника, что доказывается его особым воплощением в текстах Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

Изучение творчества Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в рамках эстетики символизма остается популярной темой литературоведения. Следует напомнить, что в основе философии Вяч. Иванова лежала философия всеединства В. С. Соловьева²⁴, где София предстает, с одной стороны, как «Душа мира», выступающая посредником между Богом и людьми и проявляющая качества материнской любви, а с другой – она воплощает собою Вечную Женственность. Эти конструкты исследовала Е.Н. Воронина, увидевшая в «Тридцати трех уродах» «ее “материнскую” (в лице Веры) и

²⁰ Михайлова М.В. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Вестник Московского университета. Серия. 9. Филология. 2001. № 1. С. 38.

²¹ Надеждин Н. Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц // Новый мир. 1902. № 92. С. 290.

²² Алешина С.В. Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Творческая эволюция: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Липецк, 1999. 213 с.

²³ Баркер Е.Н. Дионисийский символ серебряного века: Творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2001. 240 с.

²⁴ См. об этом: Аверинцев С.С. Скворещниц вольных граждан... Вяч. Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002. 167 с.; Сарычев В.А. Эстетика русского модернизма: Проблема «жизнетворчества». Воронеж, 1991. 316 с.; Дешарт О. Введение // Иванов В.И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 3–227; Минц З.Г. Блок и Вяч. Иванов // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 604. Тарту, 1982. С. 97–111.

“интимно-романтическую” (в лице ее избранницы) ипостаси»²⁵. Е. В. Харитонова²⁶ исследует истоки феномена детства в произведениях писательницы. Особо надо отметить работы Н.А. Богомолова и М. Вахтеля, предпосланные в качестве предисловия к переписке супругов²⁷.

Зарубежные ученые также уделяют внимание творчеству Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, рассматривая его в рамках женской литературы и в контексте литературного процесса своего времени в целом. Их интересует в первую очередь ее творческие стратегии с позиции женщины как субъекта творчества²⁸. Прорывом можно считать предисловие Дж. Костлоу к переведенному ею на английский язык циклу «Трагический зверинец», в котором сразу были обозначены волнующие литературоведов вопросы, которые точно были обозначены в рецензии на эту книгу. В чем была причина забвения творчества Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «в самом ли творчестве писательницы (которое, может быть, того и заслуживало?), в предвзятом ли отношении к ней окружения (а символистская среда, как всякий клан, знала свои условности) или же просто в превратностях литературной судьбы?»²⁹.

²⁵ Воронина Е.Н. Соловьевский миф о Софии в повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» // Литература и философия. СПб., 2000. С. 107.

²⁶ Харитонова Е.А. Феномен детства в прозе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 201 с.

²⁷ Вахтель М. Дионис или Протей? О ранней переписке Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Вячеслав Иванов. Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М., 2009. С. 5–21; Богомолов Н.А. ...И другие действующие лица // Вячеслав Иванов. Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка: 1894–1903. Т. 1. М., 2009. С. 22–59.

²⁸ *Dadvison P.* Lidia Zinov'eva-Annibal's "The Singing Ass": A Woman's View of Men and Eros // *Gender and Russian Literature* New York, 1996. P. 155–183; *Costlow J.* Lydia Zinovieva-Annibal. The tragic Menagerie. / Translated from Russian and with an introduction by Jane Costlow / Evanston: Northwestern University Press, 1999. 185 p.; *Burgin Lewis D.* Laid out in Lavender: Perception of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of Silver Age, 1893–1917 // *Sexuality and the Body in Russian Culture*. Redwood. 2022. P. 177–203; *Defarges F.* Lidia Zinovieva-Annibal: la construction d'un sujet féminin dans la littérature de l'Âge d'argent. Littératures. Institut National des Langues et Civilisations Orientales INALCO PARIS - LANGUES O', 2021. Français. 321 с.

²⁹ Михайлова Т. Старца великого тень... (Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода: Роман, рассказы, эссе, пьесы. / Сост., предисл., коммент. М.В. Михайловой. М., 1999. 496 с.; *D. L. Lydia Zinovieva-Annibal. The tragic Menagerie / Translated from Russian and with an introduction by Jane Costlow / Northwestern University Press, Illinois, 1999) // Знамя. 1999. № 10.*

Интересный поворот предложили ученые, заметившие, что образы природы встречаются практически в каждом произведении Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и имеют различное символическое наполнение. Поэтому целесообразно исследовать «родство женщин с природным миром»³⁰, попытаться понять, являются ли они только воплощением женского начала, связанным с парадигмой дионисийства, или служат выражением женской креативности³¹.

Необходимо отметить, что изучение творчества Л.Д. Зиновьевой-Аннибал до настоящего времени велось по двум основным направлениям: воплощение концепции Диониса и практика ивановских философских теорий мистической религии в житетворчестве писательницы и исследование ее произведений писательницы с феминистской точки зрения. Мы предлагаем совместить эти два подхода, а также на примере стратегии Л.Д. Зиновьевой-Аннибал уловить тенденции развития женского творческого самосознания в XX веке.

Методологическая и теоретическая основа. Методология исследования основа на комплексном подходе, включающем в себя различные методы: историко-литературный, культурологический, биографический, сравнительно-сопоставительный, метод целостного анализа текста, а также мифопоэтический метод. Использованы также наработки феминистской и постструктуралистской критики. Теоретическую основу диссертации составили труды М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ж. Лакана, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, В.Е. Хализева, А. Ханзен-Леве, Э. Шоултер, К. Эконен, М.Н. Эпштейна, К. Юнга и др.

На защиту выносятся следующие положения:

С. 228.

³⁰ Карпенко Е. Гендерная проблематика в экологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учеб. пос. / Под ред. И.А. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 496.

³¹ Агеева В. Женское пространство. Феминистический дискурс украинского модернизма. М., 2008. 303 с.; Гаврилина О.В. Чувство природы в женской прозе конца XX века. Дис.... канд. филол. наук. М., 2010. 216 с.; Мерчант К. Смерть природы. Женщина, экология и научная революция // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. СПб., 2001. С. 759–770.

1. В конце XIX – начале XX века, в условиях социальных потрясений и духовного кризиса литература и искусство стали важными инструментами отклика на глубокие изменения в религиозной, философской и других сферах общественной жизни. В этот период женское творчество получило определенную степень свободы. Тем не менее произведения писательниц по-прежнему маргинализировались, но уже возникали прецеденты, которые позволяли разрушить стену неприятия и непонимания. К форпосту таких начинаний следует отнести творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, открывшей новую страницу в истории русской женской литературы, сумевшей модернизировать поэтику женской прозы.
2. Л.Д. Зиновьева-Аннибал начала осознанно творить после встречи с поэтом Вяч. Ивановым, который увидел в ней вдохновляющую его Мэнаду, тем самым мифологизировав ее существование. Она приняла на себя эту роль, дополнив ее и другими составляющими, почерпнутыми из греческой философии, став одновременно и Диотимой из знаменитого диалога Платона «Пир». Л.Д. Зиновьева-Аннибал поддержала все теоретические построения мужа, участвовала в экспериментах с мистическими религиозными теориями, проводимыми в «Башне». Единство свободы, любви и творчества стало идейным центром ее жизни и нашло отражение в ее произведениях.
3. Произведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал демонстрируют отталкивание от теоретических концепций мужа, раскрывают несостоятельность и трагическую неразрешимость дионисийской и мистической эротической утопии, выстраиваемой Вяч. Ивановым. Избавление от влияния умозрительной концепции преодоления индивидуализма свидетельствует о выработке ею собственной творческой стратегии, которая заключается одновременно во внешней имитации мужского дискурса и во внутреннем его разрушении с помощью пародии или трагического разрешения сюжетного действия.

4. Подобную стратегию можно назвать «силой слабых», поскольку в целом символистский дискурс не предполагал полноценного включения женского творчества в свое эстетическое поле, объективируя женщину (вслед за Вл.С. Соловьевым) как воплощение Вечной Женственности. Поэтому новые интенции вызревали в среде женщин в символистской среде исподволь и могут прочитываться в основном с помощью деконструкции.
5. Формирование писательской идентичности Л.Д. Зиновьевой-Аннибал происходило в жестких рамках патриархатного давления и жажды обретения творческой самостоятельности, что в итоге разрушило идиллию «жизнетворческого» существования на Башне. Это одновременно обусловило ее творческие свершения и предопределило трагический жизненный финал.
6. Изменения тематики в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и соответствующих биографических и мемуарных факторов позволяет выделить три этапа её творческого пути, среди которых «Кольца» (1904), цикл «Тридцать три уroda» (1906) и «Трагический зверинец» (1907) представляют собой вехи в процессе формирования творческой индивидуальности писательницы.
7. Пьеса «Кольца» (1904) является произведением, отражающим влияние Вяч. Иванова на Л.Д. Зиновьеву-Аннибал. Однако сюжетное развитие пьесы противоречит установке на использование дионисийской теории поэта-символиста как единственного метода анализа ее творчества. Опровержение утопической программы Вяч. Иванова, нацеленной на создание бесконечно расширяющихся брачных союзов, демонстрирует трагический финал. Повесть «Тридцать три уroda» (1906) и пьеса «Певучий осел» (1906) представляют собой конкретное воплощение стратегии самопрезентации Л.Д. Зиновьевой-Аннибал как оппонента Вяч. Иванова. С помощью трагического пафоса (в первом случае) или иронии и пародии (во втором) она разрушает целостность и ценность предложенной мужем

концепции преодоления индивидуализма путем растворения во все общем.

8. Вершиной творчества писательницы становится цикл рассказов «Трагический зверинец» (1907), в котором она обретает собственный голос, находит самобытную творческую манеру, сочетающую экспрессионистские, импрессионистические и реалистические элементы. Но главное — предлагает особый «женский ракурс» реализации в текстах дионисийских идей, что оригинальным образом трансформирует тему детства и изображение реалий природного мира.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется системным подходом к анализу большого корпуса текстов, использованием различных методов, применяемых при изучении теории и истории литературы.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии на примере творчества Л.Д. Зиновьевой-Аннибал способов проявления женского «голоса» в русской культуре Серебряного века. Особую важность представляет то, что означенная творческая индивидуальность реализовалась в символистской среде, являющейся средоточием многих философских веяний нового времени. Л.Д. Зиновьева-Аннибал указала на возможность индивидуальных трактовок упрочившихся символистских представлений, расширения понятия дионисийства за счет адаптации его женской природной стихией. Самоопределение писательницы продемонстрировало широкий диапазон способов воплощения женского опыта и вариаций «женского письма».

Практическая ценность заключается в расширении представлений о вариантах формирования женской литературы Серебряного века. Результаты могут быть использованы как в общих курсах истории литературы рубежа XIX – XX веков, так и специальных курсах, посвященных авторам-символистам, творчеству русских писательниц и специфике воплощения дионисийства как особой энтелехии начала XX века. Выявленные при исследовании аспекты

творческого поведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал будут способствовать написанию научных комментариев при дальнейшей работе над ее архивом и издании сочинений. Также итоги исследования помогут углубить изучение природных образов в искусстве в целом и в плане зарождения и укрепления экологической проблематики в литературе.

Апробация результатов данного исследования была осуществлена в форме защиты НКР и докладов на 8 научных конференциях:

1. Мир животных в «Трагическом зверинце» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2021 г.);
2. Осмысление наследия Ф.М. Достоевского Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (на материале драмы «Кольца») (X Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвященной памяти Г.И. Рихтера, Донецк, Донецкий государственный университет, 2023 г.);
3. Переосмысление и разрушение «Я»: женское самосознание в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023 г.);
4. Повесть «Тридцать три уroda» как пророчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о своей судьбе («Женщина-автор: писательские стратегии и практики в эпоху модерна», Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2023 г.);
5. Чувство природы в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Кольца», «Тридцать три уroda», «Певучий осел», «Трагический зверинец» (XXXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, 2024 г.);

6. Рецепция и развенчание идей Вячеслава Иванова в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (XVII Международная научная конференция «Женское наследие в культурах народов России и мира», Махачкала, Дагестанский государственный университет, 2024 г.);

7. Почему у Л.Д. Зиновьевой-Аннибал зверинец «тиранический»? (Всероссийская научно-практическая конференция «Природные и культурные ландшафты русского и европейского модернизма и авангарда», Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2025 г.);

8. Имитация классической литературы в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал как стратегия самопрезентация (Научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведение», Томск, Томский государственный университет, 2025 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 207 позиции. Общий объем диссертационной работы составил 208 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обосновывается предмет, цели и задачи исследования, показаны степень ее освоения и научная новизна, представлен обзор истории изучения фоновой культуры женского творчества конца XIX – начала XX века, определена актуальность темы, сформулированы выносимые на защиту положения, названы теоретико-методологические подходы, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости диссертации и структуре.

В первой главе «*Л.Д. Зиновьева-Аннибал и Вяч. Иванов: проблема сотворчества*» представлен контекст времени, в котором жила и творила Л.Д. Зиновьева-Аннибал. В первую очередь рассмотрено влияние,

распространение и адаптация философских идей Ф. Ницше в России в конце XIX – начале XX века. Описывается творчество писательниц символистского лагеря и их творческие стратегии, проанализирована религиозно-философская трактовка идеи дионисийства Вяч. Ивановым и ее воздействие на Зиновьеву-Аннибал, сформировавшее ее жизнетворческую практику.

В параграфе 1.1 *«Филологический и литературный контекст русской литературы конца XIX – начала XX веков и восприятия идей Ф. Ницше»* рассматривается философский и литературный фон указанного времени, а также восприятия и влияние философии Ф. Ницше в России. Основные идеи Ницше, такие как «Бог умер» и концепция сверхчеловека, привлекли внимание российской интеллигенции, особенно в условиях кризиса религиозных и моральных ценностей. Русские философы и литераторы, интерпретируя идеи Ницше, сталкивались с трудностями и разногласиями по поводу его атеистических и антихристианских взглядов, вследствие чего философия Ф. Ницше была воспринята и переработана в контексте российской национальной проблематики. Особенно существенным было влияние ницшеанства на русских символистов. Андрей Белый, Вяч. Иванов, А.А. Блок использовали его идеи для формирования собственных философских и художественных теорий. Вяч. Иванов воспринял концепцию дионисийства Ницше и связал ее с христианской религиозной символикой, включив идеи немецкого философа в свою концепцию духовного обновления, что оказало значительное влияние на его личную и художественную жизнь.

Параграф 1.2 *«Писательницы и их творческие стратегии в рамках символистской парадигмы»* посвящен рассмотрению с разных точек зрения творчества писательниц Серебряного века конца XIX – начала XX вв. Упор делается на изменение гендерного порядка и реакцию женщин-творцов на эти изменения. Особенно отчетливо это проявилось в литературе начала XX века, где писательницы попытались скорректировать доминирующую роль мужчин и выйти из тени, заявив о собственном видении, необходимости делиться

накопленным опытом, желании обрести «собственный» язык. Однако традиционные патриархатные представления по-прежнему ограничивали возможности их художественного самовыражения, и многим из них приходилось выражать свои мысли и чувства, подавляемые социальными табу, с помощью таких творческих стратегий, как метафоры и маски.

В этом параграфе особое внимание уделено конструированию фемининности в символистской культуре. Символисты, опираясь на концепцию Вечной Женственности В.С. Соловьева, склонны были видеть в женщинах священных и идеализированных существ. Они прославляли их как источник духовного и художественного вдохновения, что превращало женщину в объект. И эта идеализация (ее обратная сторона: женщина-искусительница, демоническое создание) игнорировала возможность существования реального творческого потенциала у женщин.

Влияние религиозно-философских идей Вяч. Иванова на жизнь и творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал исследуется в параграфе 1.3 *«Религиозно-философские идеи Вяч. Иванова и их воплощение в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал»*. Комплекс религиозно-философских идей Вяч. Иванова рассматривается по углом зрения выявления в нем концепции дионисийства, сформировавшейся под влиянием философии Ницше. Однако «ницшеанское дионисийство» Иванов дополнил учением В.С. Соловьева о Софии и Вечной Женственности. Также в концепцию были включены элементы учения Платона об Эросе. Поэт-символист рассматривал Диониса как символ экстаза, хаоса, жертвенности и страдания, что для него открывало путь к сближению Диониса с Христом, и следовательно, к преодолению индивидуализма и достижению духовного объединения людей. Так он мысли противостояние деградации современного мира.

Принципиальное значение имела для поэта встреча в Европе с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, с которой он обвенчался в Италии накануне нового века. В ней он увидел дионисийскую натуру, которая олицетворяла те качества,

которых он искал в жизни и в искусстве. Их взаимная привязанность и любовные переживания стали основой для концепции «соборности» – единения через любовь, в котором «Ты» предшествует «Я». В этом контексте любовь и взаимность становятся не просто эмоциональными состояниями, но и важными мистическими актами, которые рожают истинное познание мира и обеспечивают полноту человеческого существования. Дионисийские культовые практики оформили бытовую сторону жизни супругов в Петербурге, где на «Башне» предполагалось осуществлять переживание глубокой связи между индивидуумом и целым. Создание новой церкви на эротической основе, по мысли Иванова, должно было привести к духовному перерождению, обретению «соборности», очищению и переживанию подлинного единства с миром. Л.Д. Зиновьева-Аннибал восприняла идеи мужа, начала проводить их в жизнь и реализовывать в своем творчестве.

Тезис *«Л.Д. Зиновьева-Аннибал как муза и транслятор идей Вяч. Иванова»* стал центральным в параграфе 1.4. Здесь рассматривается творческое взаимодействие и взаимообогащение супружеской пары. Иванов сделал жену своею музой в облике дионисийской Менады. Как хозяйке «Башни» ей надлежало быть и Диотимой, мудрейшей из женщин, согласно диалогу Платона «Пир». Зиновьева-Аннибал постоянно транслировала эти облики в жизнетворческом исполнении. Но ее биография и художественные устремления свидетельствуют о противоречивых процессах самоидентификации, особенно в контексте феминистского и эмансипационного движений того времени. Несмотря на роль, отводимую женщине в символизме, она активно утверждала свою творческую самостоятельность. На «Башне» она осознанно стремилась противопоставить женское самопроявление мужскому нарративу, что видно на примере женского содружества «Фиас», созданного в противовес мужскому объединению «Гафиз». Работы Зиновьевой-Аннибал этого времени не только отражают ее личную философию и эмоции, но и представляют собой важное свидетельство женского взгляда на литературу,

феминизм и творчество в целом. Это проявляется не только в переосмыслении ею классических текстов, но и в устремленности за пределы символистской эстетики. Она постоянно доказывает, что женщина может быть не только музой или идеальным существом, созданным мужским воображением, но что она субъект, обладающий способностью к самостоятельному мышлению и реализации творческих импульсов.

В фокусе внимания **второй главы** находится **«Формирование Л.Д. Зиновьевой-Аннибал как творческой личности»**. На первый план здесь выходит анализ произведений писательницы на различных этапах ее творчества, подчеркивается важность ее уникальных творческих усилий в контексте истории русской женской литературы. Опора на версию Э. Шоуолтер³², разделившей развитие женской литературы на три этапа: фемининный, феминистский и фемальный, – позволяет предположить, что творчество Зиновьевой-Аннибал можно причислить к третьему этапу. То есть писательница не следовала традиционным для женщин XIX века фемининным стратегиям подражания, но не прибегала и к открытому феминистскому протесту против социальных норм и мужского литературно литературного канона. Она стремилась выйти за рамки «женской традиции» и уравновесить существование женской литературы в контексте культуры, не узурпируя ее особенности, но и не теряя представления о ее самостоятельности, которая состоит в использовании «женской оптики», выборе угла зрения, под которым рассматривается мироустройство.

«Нахождение в сфере влияния Вяч. Иванова (драма «Кольца»)» (параграф 2.1) привело к рождению текста пьесы, которому при издании было предпослано предисловие Вяч. Иванова «Новые маски», объясняющее новаторство произведения, его связь с дионисийской теорией и комплексом идей, рожденных на «Башне». В параграфе показано, как личные

³² Showalter E. The literature of their own: British Women Novelists from Bronte to Lessing. Princeton, 2020. 384 p.

взаимоотношения супругов отразились на их литературной деятельности. В первую очередь исследуется концепция дионисийства и ее индивидуальное прочтение Зиновьевой-Аннибал. Внешне без изменений эта концепция стала основой драмы. В ней, несомненно, присутствуют дионисийские элементы, она построена в форме дифирамба, однако Зиновьева-Аннибал использует их не для прославления дионисийского хаоса, а для исследования границ и пределов любви, свободы и возможности слияния со стихией как способа избавления от индивидуализма. Конфликт пьесы – борьба между индивидуальным и коллективным, эгоистичной любовью и любовью всеобъемлющей, дионисийской, которая включает в себя всю Вселенную. Однако то, что выглядит оптимистично и обнадеживающе в теоретическом плане (отказ от единоличного владения любимым), на сюжетном уровне решается автором трагически: те герои, кто стал глашатаем новых брачных отношений, заканчивают земной путь, а те, кто только приобщился новому знанию, готовы нести его в мир. Но каким будет «учительство» этих «оглашенных» – неизвестно... Таким образом, закрыто-открытый финал драмы свидетельствует о внутренних сомнениях Зиновьевой-Аннибал, и о том, что внешнее приятие ивановской философии приходило в столкновение с ее внутренними потребностями и установками, которые были продиктованы желанием творческой субъективизации. Делается вывод, что уже в самом начале сотворчества с мужем она не стала покорным транслятором его идей и устремлялась в сторону оформления женской субъектности. К ее позиции применимо понятие «сила слабых», которое удачно обыгрывает в своей диссертации о ее творчестве французская исследовательница Ф. Дефарж³³.

*«Внутренняя дискусионность произведений
Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: “Тридцать три урода” и “Певучий осел”»*

³³ См. Defarges F. Lidia Zinovieva-Annibal: la construction d'un sujet féminin dans la littérature de l'Âge d'argent. Littératures. Institut National des Langues et Civilisations Orientales INALCO PARIS - LANGUES O', 2021. Français. 321 с.

подчеркивается в параграфе 2.2, где рассмотрена тема любви и жертвы в повести и «пьесе для домашнего исполнения». В повести «Тридцать три уroda» с опорой на происходившие на «Башне» события представлена в символистском преображении схема «дарения» любимого людям, Другим, человечеству. Однако эта утопическая попытка заканчивается трагически. Писательница избрала живую форму дневника, где голос ведущей дневник девушки переплетается с голосом актрисы Веры. И та, Вера, которая, казалось бы, готова была к высокому проявлению любви, не выдерживает испытания и кончает с собой, что можно проинтерпретировать как протест против символизма и патриархальной культуры. Система отсылок к биографическим фактам обнаруживает сложную природу этого произведения, где Вера оказывается одновременно отражением и Иванова, и самой Зиновьевой-Аннибал (т.е. «палач» и «жертва» оказываются слиты воедино). В то же время жертвенность присутствует и в образе «дайаристки», следовательно, отзвуки переживаний Зиновьевой-Аннибал запечатлены и в ней. Можно даже сказать, что трагическое разрешение любовного конфликта пророчески предрекло то, что вскоре случилось в действительности – смерть самой Зиновьевой-Аннибал. Но трагизм «Тридцати трех уродам» придает и предсказание о гибели Красоты в этом мире, которую не удастся сохранить никакими усилиями. Красота дробится на картинах тридцати трех художников, доносящих до зрителя лишь осколки прекрасной внешности своей модели. Красота превращается в уродство. Можно констатировать, что Зиновьева-Аннибал не только напорочила свой конец, но и предсказала измельчание Красоты, превращения индивидуального искусства в массовое в XX веке.

Но если в «Тридцати трех уродах» превалирует трагический пафос, то пьеса «Певучий осел» представляет события на «Башне» в комическом виде. Здесь карнавализации оказывается подвержено все. Маскарад торжествует. Писательница, используя канву шекспировской пьесы «Сон в летнюю ночь»,

посредством юмора и сатиры решительно дистанцировалась от идеалов мистического и эксцентричного символизма, бросила вызов символистским литературным конструкциям и нормам, опровергла ложный, на ее взгляд, оптимизм мироустройства по заветам Вяч. Иванова.

Об *«Обретении Л.Д. Зиновьевой-Аннибал творческой идентичности (цикл “Трагический зверинец” и сборник “Нет!”)»* говорится в параграфе 2.3. Он посвящен анализу сборника рассказов «Трагический зверинец», который выделяется среди произведений того времени своей оригинальностью и инновациями в отношении темы детства, взаимодействия человека и природы. В рассказах автобиографического плана (героиня Вера – это во многом сама автор в детстве и ранней юности) Зиновьева-Аннибал предложила психологически проработанное изображение внутреннего мира ребенка без отсылки к стереотипам русской литературы, когда ребенок рисовался как неиспорченное создание, воплощение безгреховности и отражение божьего лика. При этом заметна опора на традицию: страдания ребенка восходят к описанию детей Ф.М. Достоевского, которые в творениях писателя-классика представляли без вины виноватыми, мучениками, жертвами взрослого мира. При этом ребенок у Зиновьевой-Аннибал обрисован и как носитель демонического, разрушительного начала. Он являет собой имморальную сущность природы, которая одинаково может быть склонна к добру и злу. И это, несомненно, новое в подходе к теме детства. Одновременно этот цикл стоит особняком в контексте русского символизма, поскольку фокусируется на вопросах роста женского самосознания и экзистенциального поиска.

Осмысление проблемы страдания, ответственности, поиск свободы, осуществление выбора в борьбе со злом организует рассказы сборника «Нет!», где автор выражает свои гуманистические взгляды. Например, образ кошки в рассказе «Кошка. Отрывок письма о неблагополучии мироздания» становится символом, олицетворяющим абсурдность мира, равнодушного к страданиям живого существа.

Малую прозу Зиновьевой-Аннибал можно расценить как плацдарм для поисков своего творческого и личного самовыражения, которое отмечено еще и богатой вариативностью стилевых исканий, сопрягающих экспрессионистские, импрессионистические, символистские элементы и принципы реалистического письма. Можно сделать вывод, что эти произведения предвосхищают в русской литературе обретения неореализма.

Своеобразие «женского» преломления дионисийского импульса наилучшим образом демонстрирует *«Воплощение природных компонентов в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал»*, составившее основу третьей главы диссертационной работы. Растения, животные, природное пространство предстают в творчестве Зиновьевой-Аннибал в особом освещении. Нужно подчеркнуть, что для писательницы характерна сложность и многозначность природных образов, которые одновременно поданы и символически, и конкретно, чувственно, осязаемо. Ее восприятие мира природы обладает психологической глубиной, укорененной в глубинах человеческого подсознания. Природа становится связующим звеном между внешним миром и внутренним состоянием героини, выражая ее духовные и моральные переживания дионисийского толка.

Характеры девочки Веры и других героинь показаны как аналог природного мира; демонстрируется их распахнутость, проницаемость, что прописано в параграфе 3.1, названном *«Открытость природных пространств»*. Приверженность Зиновьевой-Аннибал к внимательному «измерению» пространства подтверждается тщательной работой ею в этом направлении, осуществленной еще при написании пьесы «Кольца», где природа и пространство играют важную роль в развитии сюжета и символике произведения. Пространственные изменения, начиная с изолированности комнат в доме, затем появления идиллического пасторального сада и бескрайнего океана в конце, символизируют процесс освобождения героев от оков индивидуализма. Три ключевых зоны: дом, берег моря и водная глубина –

выражают различные стадии внутреннего и внешнего преобразования героини. Образы, связанные с морем, отсылают к мифу о Дионисе и служат метафорами для перехода от личной любви к любви универсальной, духовной. Но водная гладь океана, символизируя свободу, амбивалентна: личность теряет свои очертания, растворяется в морских глубинах (недаром мертвых главных героев по морскому обычаю в мешках сбрасывают за борт). В «Трагическом зверинце» природа играет ключевую роль. Ее образы ознаменовывают изменения в судьбах героев, трансформацию их внутреннего состояния. Героиня «Трагического зверинца» Вера, будучи подростком, открывает для себя мир, в котором ее фантазия преобразует реальность: в лесу она превращается в царевну-кентавра или зверя, а на берегу моря оказывается сродни микроскопическому красному паучку.

Социальные и классовые различия также подаются через природные образы. Вера, существуя в реальном мире, сталкивается с бедностью и несправедливостью, которые подчеркиваются контрастом между природой и социальным порядком. Невозможность изменения установленных правил гонит девочку на лоно природы, которая оказывается для нее местом освобождения. Там она ощущает себя частью всего живого, может установить равные отношения со своей подругой, крестьянкой Таней. В рассказах «Трагического зверинца» наблюдается сочетание художественных приемов, взятых из различных литературных течений, что обеспечивает особую цельность цикла, его многослойность и динамичность.

«Мотив растений в драме “Кольца”, повести “Тридцать три урожая” и пьесе “Певчий осел”» прослежен в параграфе 3.2. Поэтика растений и цветов, особенно роз, камелий, мака, передана через символический ореол, их окутывающий. Роза, как символ любви, страдания, смерти и воскресения, является важной частью символистской поэзии. У Л.Д. Зиновьевой-Аннибал роза ассоциируется с сильными страстями, жертвой и трансцендентной любовью, что ярко представлено в «Кольцах». Мотив мака, связанный с темой

сна, смерти и наркотического опьянения, также присутствующий в этой пьесе, отсылает к творчеству прерафаэлитов, с которым писательница познакомилась, живя в Англии. Он связан с темой жертвы и разрушения, а также напоминает о забвении и покое, которого подспудно жаждет одна из героинь, Аглая. Ведь в древнегреческой мифологии мак был атрибутом Гипноса, бога сна. В «Тридцати трех уродах» сплетаются роза и крест, создавая мощный бинарный символ, символика цветов – розы и камелии – организует повествование в других эпизодах этого текста. В «Певучем осле» комизм усиливается из-за «материализации» любви к природе, поскольку любовь к ослу Лигею приобретает прямой смысл.

В параграфе 3.3 «*Мир животных в “Трагическом зверинце”*» представлен волками, медвежатами, осликами, мошками, головастиками, журавленком. Отношения героини к ним демонстрируют всю гамму отношения человека и природы: от безмерной жалости (к медвежатам и волкам) до крайней жестокости (гибель журавленка Жури). Возникает и богоборческая проблематика, ибо в рассказе «Чудовище» девочка примеряет на себя роль бога. Вера полна противоречий, чувствительна, склонна к самоанализу и пессимизму. Но она и порывиста, дика и безжалостна одновременно. Однако смерть животных, свидетелем которой случается ей быть, становится важной вехой в ее нравственном и психофизическом развитии. Почти в каждом рассказе возникает экологическая проблематика: Зиновьева-Аннибал изображает мир природы не как идиллию, а как место дисгармонии и разрушения, подчеркивая, что звериный инстинкт присутствует как в природе, так и в человеке.

В *Заключении* представлены итоги диссертации, сформулированы общие выводы о результатах исследования, главный из которых свидетельствует, что Л.Д. Зиновьева-Аннибал, существуя в патриархатном контексте, преодолевает границы символистской эстетики, сбрасывает иго ницшеанско-дионисийских религиозно-философских идей Вяч. Иванова, используя стратегию «силы слабых». Сочетая приемы иронии и пародии при обращении к классическим

литературным текстам, созданные мужчинами, она деконструирует символистские мифы, находя особый стиль, сочетающий экспрессионистские, импрессионистические и реалистические элементы, осуществляет субъективизацию женщины-художника слова.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 6 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова:

1. *Ван Л., Михайлова М.В.* Мир животных в «Трагическом зверинце» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 4. С. 427–432. (Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,305. Объем 0. 676 п.л. / 0. 473 п.л.)

2. *Ван Л., Михайлова М.В.* Источник трагедии: любовная проблематика и концепция Эроса в повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» // Вестник Российского Университета Дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Изд-во РУДН. 2023. Т. 28. № 2. С. 210–218. (Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,514. Объем 0.759 п.л. / 0.493 п.л.)

3. *Ван Л.* Женское самосознание в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: переосмысление и разрушение «Я» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 52–60. (Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0, 645. Объем 1.232 п.л.)

4. *Ван Л., Михайлова М.В.* Повесть «Тридцать три урода» как пророчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о своей судьбе // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 2024. № 4. С. 136–149. (Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,172. Объем 0.959 п.л. / 0.623 п.л.)

5. *Ван Л.* Оптимистическая утопия Вяч. Иванов и ее разрушение в драме «Кольца» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. Т. 10. С. 172–176. (Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,121. Объем 0.586 п.л.)

6. *Ван Л.* Осмысление творческого наследия Ф.М. Достоевского

в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // *Litera*. 2025. № 1. С. 85–93.
(Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,553. Объем 0.653 п.л.)

Другие публикации:

1. *Ван Л.* Осмысление наследия Ф.М. Достоевского Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (на материале драмы «Кольца») // Новые горизонты русистики. Серия 20. Донецк, 2023. С. 119–122.

2. *Михайлова М.В., Ван Л.* Рецепция и развенчание идей Вяч. Иванова в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Женское наследие в культурах народов России и мира: Материалы XVII международной научной конференции: В 2 ч. Ч. 2. М., 2024. С. 27–31.